

ЭТИЧЕСКИ ЗНАЧИМАЯ ЛЕКСИКА В ПОЭТИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ Б. ПАСТЕРНАКА «СТИХОТВОРЕНИЯ ЮРИЯ ЖИВАГО»

Исследованы особенности русского менталитета, определены этические категории русской ментальности. Исследованы особенности употребления лексики с высокой этической нагрузкой в поэтическом цикле Б. Пастернака. Установлено сохранение этической нагрузки в словах религиозной тематики во внутренней структуре семантики слова.

Ключевые слова: менталитет, концепт, этическая значимость, языковая этичность, этический, религиозный, духовно-нравственный.

Лексика русского языка, как и лексика любого другого языка, отражает свойственную данному языку, точнее его носителям, ментальную картину мира. В свою очередь картина мира, отраженная в языковой картине мира, неизменно строится на антиномиях: Бог – дьявол, рай – ад, добро – зло, верх – низ и т. д. Соответственно, в языке выделяется лексика, обозначающая высокие положительные начала и ей противоположная. Слова, обозначающие горний (небесный, божественный) мир обладают высокой этической нагрузкой, их антиподы можно отнести к антиэтической лексике. Именно лексика этически значимая создает ценностную картину мира внутри языковой. К такой лексике относятся прежде всего слова религиозной тематики, так как морально-нравственные законы человеческого общежития любой культуры основаны на религиозных представлениях. Причем, чем ближе употребляется слово к исконному религиозно-этическому значению, тем выше его этическая нагрузка, тем большую роль играет оно в становлении и хранении ценностной картины мира народа, его ментальных понятий.

Отметим, что этическая нагрузка слов не равна положительной эмоциональной окраске, она первична по отношению к коннотациям. К этически значимым можно отнести и слова, обозначающие негативные понятия, как антиномии положительным нравственным ценностям: *грех, порок, гнев, гордость, уныние* и др. Слова с этической нагрузкой, учитывая их неоднородность, можно разделить на три группы: слова, с ярко выраженным религиозно-духовным значением, активно употребляемые в церковнославянском языке (**эксlesiологическая лексика:** *благодарить, целомудрие, святость, смирение*); слова высокой лексики, употребляемые в современном

русском языке чаще всего безотносительно к церковной жизни (**высокая лексика:** *честь, совесть, милосердие*); слова, относящиеся к морально-нравственной области, включаемые, как правило, в словарь этических терминов (**этическая лексика:** *мораль, нравственность, долг*).

В энциклопедическом словаре этики 64 статьи, посвященных этическим категориям, несомненно, имеющим этическую нагрузку. Мы отобрали 39 наиболее близких российской ментальности слов-концептов: *благо, благодать, благодарность, благородство, вера, грех, добро, добродетель, достоинство, долг, дружба, духовность, зло, любовь, милосердие, мораль, мудрость, мужество, надежда, наказание, нравственность, покаяние, преступление, прощение, свобода, святость, смирение, соборность, совесть, сострадание, спасение, справедливость, страдание, стыд, целомудрие, честность, честь, этика, этикет* – для того, чтобы проследить их употребление в поэтическом цикле Б. Пастернака «Стихотворения Юрия Живаго» [8].

Особенностью поэтического языка Б. Пастернака является смешение лексики разных пластов: высокой и сниженной, поэтической и разговорной. Однако делает он это настолько мастерски, что слова обыденной речи приобретают не только поэтичность, но и этическую значимость в контексте стихов.

Ярким примером служит стихотворение «Рождественская звезда». Онтологический смысл библейского события передается смешением разностилевых языковых единиц. Чудо рождения Богомладенца свершается одновременно на всем земном и неземном (горнем) пространстве, что передается разнообразием соответствующей лексики: *степь, вертеп, склон холма, пещера, ясли, утес, поле, погост, небо, полное*

звезд; утес, полночная даль, поле, склон холма, пещера, ясли, ограда, надгробья, оглобли в сугробе. Пастернак использует и сниженную лексику, которая призвана показать наш, человеческий мир, полный страстей и греха, ради искупления которых и родился Богомладенец: «*орава народу*», «*из несметного сброда*». Причем младенец Христос не назван Пастернаком, достаточно оказалось только местоимения. Все стихотворение, наполненное очень разной, порой, несовместимой лексикой связывается «звездой Рождества», «встретившей целую вселенную» и при этом смотрящей на деву «с порога», «как гостя». Каждая новая строфа своеобразно передает усиление све- та рождественской звезды, ее значение:

А рядом, *неведомая* перед тем,
Застенчивей *плошки*
В оконце *сторожки*
Мерцала звезда по пути в Вифлеем.
Она *пламенела*, как стог, в стороне
От неба и Бога,
Как *отблеск поджога*,
Как *хутор в огне и пожар* на гумне.
Она *возвышалась* *горящей скирдой*
Соломы и сена
Средь целой *Вселенной*,
Встревоженной этою новой звездой.
Растущее зарево рдело над ней
И значило что-то...

Таким образом, даже обыденные понятия *хутор, пожар, гумно, скирда* и пр. приобретают сакральное звучание, а значит, и этическую значимость. Рождество не просто событие прошлого, это знаковое событие всей человеческой истории. С Рождества Христова начинается спасение человечества, преобразование его грехов- ной природы, духовно-нравственное совершен- ствование человека.

В стихотворении «Гамлет» обыденные по- нятия *гул, подмостки, косяк, отголоски, бинокль* и др. становятся весомыми в контексте упоми- нания «Моления о Чаше»:

Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.
Я люблю твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль.
Но сейчас идет другая драма,
И на этот раз меня уволь.

Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, все тонет в фарисействе.

Упоминание известного библейского собы- тия в стихотворении призвано напомнить о сми- рении, с которым Сам Богочеловек принял скор- би и с которым следует обычному человеку отно- ситься к жизни ради духовного возрастания.

Необыкновенно, как бы пересказывая Но- вый Завет, пишет Пастернак об известных биб- лейских событиях, используя обыденную, не свойственную стилю лексику, которая, благо- даря сакральному наполнению текста, оттеня- ет, усиливает этический смысл высокой лекси- ки и сакральность всего стихотворения в целом:

И сборище *бедных в лачуге,*
И спуск *со свечою в подвал,*
Где вдруг она гасла в испуге,
Когда воскресенный *вставал...*
(Дурные дни)

Сборище, лачуга, подвал рисуют нам удру- чающую картину человеческой жизни, где про- исходит чудо воскресения. Также в стихотво- рении «Магдалина II» рядом стоят обыденные, с оттенком разговорности слова *брошусь, обо- мру, закушу* и сакральные, этически значимые понятия *распятые* и *крест*.

Брошусь *на землю у ног распятых,*
Обомру *и закушу уста.*
Слишком многим руки для объятья
Ты раскинешь по концам креста.

Очень часто Пастернак употребляет рели- гиозную лексику так, что реализуется, стано- вится активной именно этическая составляю- щая слов: *Авва Отче, Чаша, фарисейство, Пас- ха, Псалтирь, Страстной четверг, Страстная суббота, Страсти Христовы, Бог, Царские Вра- та, крестный ход, Плащаница, Апостол, Вос- кресенье, душа, Преображение Господне, Спас, Вифания, Иерусалим, Спаситель, крест, Мас- личная гора, Кедрон, Гефсиманский сад, Сын Че- ловеческий*.

Особую значимость приобретают слова, называющие предметы и явления церковной жизни: *притвор, просфора, ковчег, колокол на- бата, колокола, алавастровый сосуд, погребенье,*

миро, молитва, святыня – придающие обычной земной жизни оттенок бытия.

Отдельно следует рассмотреть лексику, высокую, часто церковнославянскую по происхождению, используемую автором в стихах о «земных», подчас обыденных событиях, и придающую тексту новое, высокое звучание. Так, например, у Пастернака «ночь» пробирается «вдоль забора, босоногою *странницей*» («Белая ночь»). Странник, странница, странничество – особый образ жизни в дореволюционной России, отказ от мирской суеты, существование по-евангельски, имеющий положительную оценку в русском менталитете. В стихотворении «Земля» лексический ряд бытовизмов *нахрапом, моль, за шкапом, шубы, антресоли, горшки* и т. д. заканчивается строчкой *...чтоб тайная струя страданья согрела холод бытия*, где славянское *страданье* обладает высокой этической нагрузкой, о чем будет сказано ниже.

Собственно этическая лексика, включенная в словарь этических терминов, у Пастернака встречается нечасто. В стихотворениях цикла мы отметили следующие понтия: *благоговеть, страсть* (слово употреблено и в современном узком понимании как «сильное влечение», и в этическом понимании как «страдание» – Страсти Христовы), *тоска, влечение, прелесть, красота, отвага, мытарства, смирение, жестокосердие, уныние, осуждение, грех*. Причем, в указанном выше словаре этических терминов встречаются лишь лексемы *страдание, смирение, грех*.

«Страдание» не рассматривается в энциклопедическом словаре «Этика» в отдельной статье, но включено в другие статьи и является основополагающим для объяснения многих философских категорий, в том числе и категории сострадания [7]. Понимание слов «страдание», «сострадание», «мученичество», «страстотерпничество» связано с вопросом о назначении человеческого существования, о смысле бытия. Представление о значении мук, которые вынужден терпеть человек, является одним из «вечных вопросов». Страдание – одно из основных положений христианского, особенно православного осмысления мира, характерного на протяжении всей российской истории и действовавшего всегда, по крайней мере, на подсознательном уровне.

Этимологически слово «страдание» родственно словам «страсть», «страх» и близко слову «страда». Интересен тот факт, что почти все

словари делят страдания на физические и духовные (нравственные), но само слово такой семантической классификации не содержит. Для русского языкового сознания страдания безграничны, мучительны, почти всегда связаны с душой. Лексически «страдание» содержит дополнительный признак покорности Провидению. Важной семантической характеристикой страдания в свете православной культуры является представление о том, что оно может привести к искуплению и очищению, то есть к избавлению от еще большего страдания – мучений совести. С этой стороны страдание в сознании носителей языка неразрывно связано с состраданием и жертвенностью, а являясь испытанием, еще и с представлениями о чести. Также необходимо отметить следующие тонкости христианского представления о страдании, которые, на наш взгляд, сохраняются во внутренней форме слова даже у неверующих носителей языка и проявляются в определенном контексте: страдание является результатом разъединения человека и Бога, разобщения души и тела; оно всегда связано со злом, но, с другой стороны, именно страдание открывает путь к духовным высотам, святости. Поэтому отрицание страдания есть нечестие, богохульство, так как жизненный выбор человека, с христианской точки зрения, сводится к двум константам: жизнь с Богом или без него. Страдание с Богом священно и ведет к пониманию Истины. Без Бога человек погружается в бездну неизмеримо более тяжких страданий и отчаяния. Как раз из этих представлений складывается понятие сострадания как высокой человеческой добродетели.

Смирение в этическом словаре понимается как нравственное качество, противоположное гордости и самомнению. Смирение предстает как одна из христианских добродетелей, характеризующих внутреннее состояние человека, при котором он не считает себя способным к самостоятельным добрым поступкам, а во всем уповает на Бога. В христианской этике смирение связано с кротостью, долготерпением, снисхождением и прощением обид. В этико-психологическом плане христианское смирение неразрывно связано с чувством любви человека к Богу – глубоким ощущением и сознанием того, что человек сам по себе ничтожен и беспомощен, а если и достигает чего-либо, то исключительно благодаря милости Божьей. Смирение слу-

жит отражением религиозно-нравственного стремления к совершенству: чем выше он поднимается нравственно, тем в большей степени осознает себя грешником. Смирение не является пассивно-созерцательным состоянием человека, ослабляющим и принижающим его самосознание, напротив, оно характеризуется полным напряжением всех его сил, связанным с его устремленностью к религиозно-нравственному идеалу – жизнью человека по образу Божьему. Христианский идеал, определяющий величайшее назначение человека – достижения им богоподобия, – в то же время способствует возникновению глубочайшего смирения. В современном обыденном сознании смирение воспринимается двояко: в христианском понимании и отрицательно как подчинение чужой воле, неспособность постоять за себя. В словаре С.И. Ожегова дается следующее толкование: «отсутствие гордости, готовность подчиняться чужой воле» [4]. В церковнославянском языке «смирение», – в первую очередь, «примирение, мир», а затем «унижение, порабощение», а также «уничтожение, ничтожество» [2]. Однако здесь нужно помнить, что унижения и оскорбления воспринимались в данном случае только христианами как необходимое условие для обретения спасения. Пастернак употребляет слово однажды, в стихотворении «Свидание», когда говорит о любимой женщине:

*Тебя вели нарезом
По сердцу моему.
И в нем навек засело
Смиренье этих черт...*

Любовь понимается поэтом как страсть к женщине, но страсть благородная, высокая, вечная, замешенная на жертвенности, на муках. Отсюда и необычное сравнение в стихотворении «Свеча»: *И жар соблазна вздымал, как ангел, два крыла // Крестообразно*. К земной любви он примешивает понимание любви Христовой, как, например, в стихотворении «Дурные дни»: *Любовью не тронуть сердце*.

Грех как этическая категория является по преимуществу библейским понятием, где связывается с проявлением всех нравственных и онтологических аномалий в жизни. В моральном смысле грех – это нечестность, неблагодарность, неверность, неисполненный долг, несправедли-

вость. В Евангелии грех рассматривается как отдельный неправильный поступок, нарушающий Божьи заповеди; общее состояние неправоты, ощущаемое как виновность; сумма всех неправильных поступков человека, делающая его преступником, подлежащим суду Бога и нуждающимся в спасении; сила, воздействующая на людей, заставляющая их поступать неправильно. Близкими понятию «грех» являются слова «преступление» (нарушение закона или традиций), «согрешение», «беззаконие» (любое действие, противоречащее закону), «неправда», «ложь», «нечестие», «непослушание». Интересно, что в XI – XVII веках слово «грех» определялось путем перечисления нарушений моральных законов: «гордость, скупость, нечистота, ярость, гортанобесие, зависть, уныние», кроме того, слово имело значения: «вина, ошибка» и «несчастье, беда» [6]. Значение «вина, ошибка» связано с особенностью понимания греха в восточной христианской традиции как сознательного и добровольного нарушения человеком Божественного закона.

В церковнославянском языке грех трактуется как беззаконие. В русской христианской философии (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, И.А. Ильин, П.А. Флоренский) грех рассматривается в контексте духовной жизни человека как моральное зло, приносящее страдания. В современном языке, по данным словаря С.И. Ожегова, грех понимается прежде всего как нарушение религиозных предписаний (у верующих), в более широком смысле как предвзятый поступок, а в разговорной речи в значении «грешно, нехорошо (грех над больными смеяться)». Именно в этическом смысле употребляет это слово Пастернак в стихотворении «Магдалина I»:

*Но объясни, что значит грех
И смерть и ад, и пламень серный,
Когда я на глазах у всех
С тобой, как с деревом побег,
Срослась в своей тоске безмерной.
Когда твои стопы, Иисус,
Оперши о свои колени,
Я, может, обнимать учусь
Креста четырехгранный брус
И, чувств лишаясь, к телу рвусь,
Тебя готова к погребенью.*

Интересно рассмотреть также слово *уныние*. В церковнославянском языке оно понима-

лось как удрученное состояние духа, «беспечность, бездействие в деле спасения души» и считалось одним из семи смертных грехов. В учениях святых отцов уныние трактуется часто как духовная смерть и противопоставляется молитве как добродетели. В современном языке «уныние» понимается секуляризовано как «безнадёжная печаль, гнетущая скука». Пастернак использует слово в метафоре: *поле в унынье запахло польнойю*, – где актуализируется прежде всего религиозно-нравственное значение слова.

Таким образом, этическая наполненность слов бывает не только изначально заданная,

как в словах религиозной сферы (*благодать, мученичество и т. д.*), в которых этическая нагрузка сохраняется во внутренней структуре семантики слова несмотря на изменение лексического значения (например, в словах *смирение, грех*), но и может приобретаться в контексте с высокими, этически значимыми понятиями. Высокая степень языковой этичности лексики религиозной сферы позволяет ей оставаться средством создания ценностной (духовно-нравственной) картины мира и сохранять ментальные представления народа.

23.03.12

Список литературы:

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Русский язык, 1999.
2. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. – М., Отчий дом, 2001. – 720 с.
3. Новая философская энциклопедия. В 4т. – М.: Мысль, 2001.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.:ОНИКС 21 век,2003. – 976 с.
5. Словарь русского языка XI-XVII вв. – М.: Наука, 1981.
6. Словарь русского языка XVIII вв. – Л., 1988 – 1992.
7. Этика: Энциклопедический словарь / Институт философии РАН. – М.: Гардарики, 2001. – 668с.
8. Пастернак Б. Стихотворения. Поэмы. – М.: Правда, 1990. – 544 с.

Сведения об авторе: **Дмитриева Наталья Михайловна**, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета, кандидат филологических наук

4600018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 1106. тел. (3532)372436, e-mail: dmitrieva1977@yandex.ru

UDC 81r373:82-141

ETHICALLY SIGNIFICANT LEXICON IN POETIC CYCLE «POEMS OF YURY ZHIVAGO» OF B.PASTERNAK

Features of Russian mentality are investigated, ethical categories of Russian mentality are defined. Features of lexicon with high ethical loading in poetry by B. Pasternak are investigated. Preservation of ethical loading in words of religious subject in internal structures is studied.

Key words: mentality, concept, ethical importance, language etchings, ethical, religious, spirituality-moral.

Bibliography:

1. Dal V.I. Interpretational dictionary of living great Russian language: In 4 t. – M.: Russky yazyk, 1999.
2. Dyachenko G. The Full Church Slavonic dictionary. – M.: Otchiy dom, 2001. – 720 p.
3. The new philosophical encyclopedia: In 4t. – M.: Misl, 2001.
4. Ozegov S.I. Dictionary of the Russian language. – M.: ONIKS 21 vek, 2003. – 976 p.
5. Dictionary of the Russian language, XI-XVII. – M.: Nauka, 1981.
6. Dictionary of the Russian language, XVIII. – L., 1988 – 1992.
7. Ethics: the Encyclopedic dictionary / University of philosophy by Russian Academy Science. – M: Gardariki, 2001. – 668 p.
8. Pasternac B. Poems. Transfers. – M.: Pravda, 1990. – 544p.